

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.
ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра русской и зарубежной литературы

**Сравнительный анализ концепта «расширение сознания» в ситуации
производства текстов «Голый завтрак» Уильяма Берроуза и
«Электропрохладительный кислотный тест» Тома Вулфа**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ ДИПЛОМНОЙ РАБОТЫ

студентки 4 курса 421 группы
направления 45.03.01 – Филология
Института филологии и журналистики

Авдеевой Дарьи Вячеславовны

Научный руководитель

Профессор, д.ф.н.

В. Ю. Михайлин

Зав.кафедрой, к.ф.н., доцент

Ю. Н. Борисов

Саратов 2020

Введение. Прозаики и поэты, в произведениях которых тем или иным образом фигурировали наркотические вещества, обычно не скрывали, что наркотик для них – средство обострения восприятия. В середине XX века в контркультурной среде отношение к наркотикам как к способу расширения сознания радикализировалось и приобрело идеологический оттенок. Одним из императивных концептов стало «расширение сознания», интерпретацией которого занимались различные группы внутри контркультуры. Среди таких групп, выбранных мной для литературного и социокультурного анализа в качестве *объекта* исследования, – бит-поколение и Веселые Проказники. *Предметом* исследования является концепт «расширение сознания» и его творческая перцепция бит-поколением и Веселыми Проказниками. *Материалом* для исследований послужили работы «Голый завтрак» Уильяма Берроуза и «Электропрохладительный кислотный тест» Тома Вулфа.

В дальнейшем под расширением сознания будут пониматься искусственно вызванные изменения в восприятии. В контркультурной среде одним из способов достижения измененных состояний сознания является употребление психоактивных веществ.

Данная работа *состоит* из введения, двух глав, восьми подразделов, заключения и списка использованных источников.

Целью данной работы является исследование расширения сознания как литературного и поведенческого конструкта на примере полудокументального романа «Голый завтрак» Уильяма Берроуза и документального романа «Электропрохладительный кислотный тест» Тома Вулфа.

Для достижения вышеупомянутой цели планируется решение следующих *задач*:

- рассмотрение концепта «расширение сознания» отдельно по каждому произведению;

- выявление связанных с данным концептом задач, которые ставили перед собой представители бит-поколения и участники психоделического движения.

Для решения поставленных задач предполагается использование *методов* критического анализа научной литературы, реферирования, стилистического и социокультурного анализа полухудожественных текстов. Документальная природа обоих произведений позволяет зафиксировать не только работу вышеупомянутых авторов со словом, но и отследить взаимосвязь с реальными историческими событиями и проанализировать ее. *Актуальность* представленной работы обуславливается малым количеством исследований, анализирующих концепт «расширение сознания» в контексте поколенческого разрыва между битнической средой и Веселыми Проказниками как представителями психоделического движения.

Основное содержание. Согласно определению Теодора Рошака, контркультура представляет собой общность социально-культурных установок, выступающих с протестом в отношении конкретного культурного кода, который является основой официальной культуры общества (а не против истеблишмента вообще). Так, на фоне исторических событий второй половины двадцатого века поколенческая дихотомия вносит серьезные коррективы в оформление политической оппозиции. Окрашенная незрелым радикализмом входящей в нее американской молодежи, на первый план оппозиция выводит борьбу с технократией. Фигуры, сознательно или невольно ставшие лидерами разрозненных проявлений контркультуры, обещают привести своих последователей туда, где возможно благостное существование без вмешательства технократии. Происходит это на неинтеллектуальном уровне, избегая политических и социальных форм.

Основой технократии являются рациональное управление и разумный гуманизм, что позволяет охарактеризовать ее не просто как властную структуру, а определенный «культурный императив». Общественный

порядок занимается производством индивида, его лепкой и конструированием. Место технократии определяется над любыми формами эксплуатации, а те, кто обеспечивают ее работу, видятся примерными руководителями и талантливymi экспертами.

Логично, что официальная культура, опираясь на научный прогресс, моментально заносит в черный список любые проявления человеческого иррационального, субъективного, бессознательного. Именно фокус на субъективном привел новых левых к тому, чтобы обозначить в качестве врага не институциональное отчуждение, а чрезмерную рационализацию всех сфер жизни, низведение людей к неодушевленным объектам. Обращение к эзотерическим практикам и восточным духовным традициям и параллельное развитие фармацевтической индустрии, ставшей важной частью экономики США, способствуют распространению химически воздействующих на психику человека веществ и появлению феномена психоделической революции. «Расширение сознания» становится кратчайшей дорогой к выходу из кризиса западной цивилизации.

С приходом психоделической революции творческий фокус с письма как формы искусства (к чему было приковано внимание бит-поколения) смещается на опыт как новую форму искусства. Концепт «расширение сознания» выходит за рамки письма, приобретая форму наркотического акционизма.

Уильям Сьюард Берроуз (William Seward Burroughs) (1914–1997) – известный американский писатель и эссеист, один из ключевых представителей бит-поколения.

Несмотря на хаотичность, фрагментарность работы Уильяма Берроуза «Голый завтрак», наброски, собранные из случайных дневниковых записей, заметок и сексуальных откровений, образуют нечто целостное – отрефлексированный портрет контроля, а вместе с рефлексией – побег от

него. Оформляя свои мысли на письме, Берроуз, казалось бы, лишает себя возможности действовать свободно (ибо письмо не может существовать вне определенных форм – грамматики, синтаксиса, лексики). Но Берроуз выбирает путь негации, подрывая акт письма изнутри, становясь Уильямом Ли (альтер-эго Берроуза в «Голом завтраке») – двойным агентом, согласившимся вступить в прямые отношения с тем, что он отрицает. Текст распадается на глазах читателя, подобно кубистской картине: «Motel... Motel... Motel... broken neon arabesque... loneliness moans across the continent like fog horns over still oily water of tidal rivers... Ball squeezed dry lemon rind pest rims the ass with a knife cut off a piece of hash for the water pipe – bubble bubble – indicate what used to be me...», а потом вновь собирается посредством случайных фраз-подсказок, объясняющих кажущуюся бессвязность представленного текста: «As I was saying before I was so rudely interrupted by one of my multiple personalities».

Универсум Берроуза телесен: мягкая, податливая плоть его открыта самым извращенным пыткам и сексуальным актам. Достаточно вспомнить главу «Hassan's Rumpus Room», в которой открывается мир страдающих тел, тел согнутых, подвешенных, изломанных. Власть вписана в тела подобно первородному греху, они деформированы и словно бы существуют в мире, что не поддается рациональному осмыслению.

Радикальный аморализм Берроуза заводит читателя также в пространства подавленной жизненной энергии, репрессированного эроса. Технократическая регламентация жизни индивидов либо рационализирует секс (как инструмент продолжения рода), либо ослабляет эротическую энергию, ассимилируя секс в повседневность в виде его «плейбойской» версии. Но, по Берроузу, покалеченный биологически (из-за подавленной сексуальности) человек более не может оставаться здоровым социально. Подавленное так или иначе будет пытаться найти выход, чаще всего в

иррациональных действиях, среди которых, например, внезапные всплески насилия, уход в мистические религиозные учения.

Так, например, традиционная семья в представлении Берроуза оказывается малой копией государства, построенной на подавлении либидо. Она воспроизводит авторитарные идеологии и карательные механизмы, вырабатывая страх к наслаждению, возвращая чувство вины и воспитывая в детях привычку к системе подчинения, которая позже преобразуется в желание быть подавленными. Семья как институт и средство подавления в «Голом завтраке» отрицается либо через беспорядочные гомосексуальные связи, либо через сексуальное насилие по отношению к женщинам.

Кроме того, Берроуз вводит в повествование воображаемые политические партии Интерзоны, занимающие ту или иную позицию на политическом компасе. Вращая этот компас, Берроуз понимает, что его стрелка неизбежно будет фиксировать уровень насилия того или иного политического строя, но никогда – отрицать. Ликвифракционисты, садомазохисты, стремящиеся к абсолютной власти, фактуалисты, выступающие против контроля со стороны полицейского государства, сендеры, напротив, совершенствующие способы контроля с помощью биохимии и телепатии, и наконец дивизионисты, которые желают наводнить мир собственными копиями, возвращенными в эмбриональном бульоне, и, что логично, не нуждаются в институте семьи: «They are called Divisionists because they literally divide. They cut off tiny bits of their flesh and grow exact replicas of themselves in embryo jelly». Так, партия сендеров планирует контролировать сознание людей, в то время как дивизионисты жаждут захватить телесный уровень жизни. Но создаваемые дивизионистами копии – воспроизводимая ими же угроза революции, что вполне отвечает современности Берроуза, в которой родителям приходится иметь дело с обернувшимися против них детьми.

Берроуз говорит о болезни на языке самой болезни: переворачивая привычные представления о работе медицинских учреждений, Берроуз воплощает образ болезни в докторе Бенвее. Низ есть верх, а фигура доктора, который априори должен ассоциироваться с положительными интенциями, со здоровьем или хотя бы витальным импульсом, оказывается манипулятором, работающим на институты контроля. Но любая власть у Берроуза побеждается вступающей в игру низовой народной культурой, оружие которой – смех. Фигура Бенвея оказывается до нелепого абсурдной, когда он просит отоварить рецепт разбавленного саночистителем кокаина или расхваливает Вайолет, его ассистентку-бабуина.

Берроузом отрицается и другая вертикаль, помещающая условного европейца и условного дикаря на разные полюса. Отвращение к унифицированной культуре цивилизованного мира прослеживается в нескрываемом интересе к чужой культуре. Чем она радикальнее в своей чуждости, отстраненности от культуры цивилизованного человека, тем соблазнительнее становится обращение к ней: «The Chimu of ancient Peru were much given to sodomy and occasionally staged bloody battles with clubs, running up several hundred casualties in the course of an afternoon». Берроуз стремится пусть и не устранить, но хотя бы подорвать авторитет этого невротического варварского деления на «мы» и «они» и обрести всечеловеческую целостность.

Берроуз идет еще дальше, охватывая власть как таковую одним емким понятием – джанком. Джанк – это не только о наркотических веществах, он есть средоточие власти, в любых ее формах и проявлениях. Уильям Ли является не просто заброшенным на вражескую территорию агентом, он продает самого себя джанку. С этого момента он перестает быть здоровым, превращаясь в безвольный объект, обслуживающий очередную дозу. Джанк в одно мгновение становится монополией, идеальной иллюстрацией общества потребления: «The junk merchant doesn't sell his product to the

consumer, he sells the consumer to his product. He does not improve and simplify his merchandise. He degrades and simplifies the client». Тело же как носитель джанка символизирует репрессированный объект контроля, то есть находится в знаковой системе. При этом у Берроуза знак не может существовать вне телесных проявлений – тело джанки принадлежит не только миру символическому, но и физическому. Так и работает контроль – он овладевает телом, подчиняя плоть, и осуществляет власть через язык, склоняя к символическим актам.

Расширение сознание у Берроуза скорее не цель, а способ – сконструировать собственную реальность посредством языка, предварительно покинув письмо как автор. Отсюда отказ от линейной структуры, отсутствие смысловой наполненности некоторых предложений (где-то имитирующих наркотический бред, а где-то – передающих реальное состояние Берроуза), нарушение грамматических и синтаксических норм. Эксперименты со словом Берроуза – это также попытки понять природу доязыкового, дикарского мышления, прорваться в «серую комнату». По Берроузу язык – это вирус, который определяет сознание и служит инструментом для манипуляций и контроля (то есть упорядочивания реальности), потому покинуть сознание, чтобы исследовать маргинальные территории, и отказаться от членораздельной речи – своеобразная уловка на пути к свободе. Как пишет Brent Wood, такой подход можно назвать анархистским – подрывающим основы не только языка, но и понимания человека в принципе. Человека определяет не тело, поскольку оно – зараженная языком оболочка, состоящая из разнообразных жидкостей, недолговечной плоти и отходов: «The Stomach Tuck is surgical intervention to remove stomach fat at the same time making a tuck in the abdominal wall, thus creating a Flesh Corset, which is, however, subject to break and spurt your horrible old guts across the floor», человека не определяет и язык, будучи захватчиком; остается только побег за установленные пределы, мутация. Ввиду этого

привычные структуры мышления должны быть разрушены – через каналы связи (литература – как один из видов), эти самые структуры утверждающие.

В 1964 году Веселые Проказники прокатятся на флуоресцирующем автобусе «Далше» в Нью-Йорк и обратно, по дороге устраивая хэппенинги с раздачей ЛСД всем желающим. То были первые в истории психоделические перформансы, которые завершились спустя несколько месяцев путешествий по стране и были детально описаны Томом Вулфом в документальном романе «Электропрохладительный кислотный тест».

В «Электропрохладительном кислотном тесте» Том Вулф демонстративным образом нарушает сакральное интимное пространство между читателем и автором произведения, так бережно выстраиваемое предыдущей традицией в журналистике. Автор устраняется из текста, и о ключевой ситуации или персонаже начинает говорить сам герой. Вулф предпочитает не занимать излишне близкую позицию к тому, что он описывает, не желая терять контроль над материалом.

Большинство перформансов и кислотных экспериментов, проводимых Проказниками, инспирировались намерением разрушить многовековую схему человеческой перцепции, которую Кизи называл «системами запаздывания». Суть сенсорных запаздываний – в промежутке между физическим восприятием и реакцией сознания, которое, соответственно, отстает от пережитого: «There are historical and social lags, where people are living by what their ancestors or somebody else perceived, and they may be twenty-five or fifty years or centuries behind, and nobody can be creative without overcoming all those lags first of all. A person can overcome that much through intellect or theory or study of history and so forth and get pretty much into the present that way, but he's still going to be up against one of the worst lags of all, the psychological». С «системами запаздывания» Вулф справляется особым образом – через новаторское выстраивание текста, которое подразумевает не рефлексирование пережитого автором опыта, а фиксацию момента. Вулф

пытается понять Веселых Проказников не через совместное употребление галлюциногенных наркотиков (которое обречено на сенсорное запаздывание), а догнать их при помощи своего текста.

Постоянная смена многочисленных точек зрения, фактическое отсутствие автора, который мог бы стать для читателя своеобразным трип-ситтером и провести через высказанное – все это представляет собой воплощение Проказников через текст. Вести повествование изнутри Тому Вулфу позволяет также использование особой лексики, свойственной Проказникам, где важную роль играют слова, передающие «осознание посредством общего переживания». Реальность «субъективная» – это «интерсубъективность» (intersubjectivity), а погружение в коллективное – «синхронизация» (synchronization). Интерсубъективность – это, по сути, цель кислотных тестов, заключающаяся в разрушении собственной индивидуальности и обретении коллективного сознания, где все участники понимают и чувствуют то, что чувствуют другие. Но интерсубъективность существует и на другом уровне текста: Том Вулф пытается ввести в состояние интерсубъективности и читателя, с помощью различных приемов словно бы помещая его в сознание Проказников, позволяя испытать то, что испытывают они. Игра с различными графическими средствами (многочисленные знаки препинания, разорванность текста, курсив) позволяет сделать описываемое более осязаемым, осязаемым, в каком-то смысле сократить дистанцию между написанным словом и реальностью: «And Sandy takes LSD and the lime ::::: light ::::: and the magical bower turns into... neon dust...», «–and they *had* it on tape– and played it back in variable lag skakkkkkk-akkkk-akkkk-akkkoooooooooooo». Еще один способ погрузить читателя в ситуацию, которым пользуется Вулф, – это диалоги без слов автора, который объяснял бы, кто вступает в разговор и кому принадлежит та или иная реплика. Читатель принимает полноценное участие в событии, потому что перед ним не пересказ сцены из прошлого: он полностью включен в момент,

что разворачивается в настоящем. Когда Вулф описывает одну из первых сцен в гараже, где будущие Проказники готовят автобус к путешествию, читатель вместе с Вулфом недоумевают, кем же является крепко сложенный парень, ловко жонглирующий кувалдой. Поэтому, когда кто-то интересуется «Who is that?», у читателя возникает ощущение, что эта случайно оброненная фраза принадлежит ему самому, а анонимный ответ «That's Cassidy» удивляет не только Вулфа, свидетеля событий, но и читателя, вспоминающего того самого Нила Кэссиди – героя «На дороге» Джека Керуака. Еще один эффект, производимый подобными диалогами, заключается в возникающем ощущении ментальной связи между Проказниками. Когда не совсем ясно, кто стоит за произнесенным, перед глазами невольно возникает обобщенный персонаж, вбирающий в себя универсальные качества определенной группы: словно Проказники действительно достигли желаемого – лишились индивидуального и стали коллективным сознанием. Таким образом, наблюдатель становится вовлеченным в наблюдаемое – это осознанная цель Проказников, своеобразная театрализация принятия ЛСД. Читателю дается возможность самостоятельно интерпретировать выписанное, полагаясь на свой личный опыт, перцептивно вобрать все возможные ощущения от прочтения столь выпуклого, звучащего текста, получить тот самый «опыт нового восприятия».

Том Вулф наглядно показывает, как Веселые Проказники перенимают функцию пророков, несущих новое знание в мир. Это подтверждается явными аналогиями между Проказниками и библейскими персонажами, где Кизи предстает Христом, Фэй – Девой Марией, Горянка – Марией Магдалиной, остальные же участники действуют как апостолы, а Сэнди — в качестве Иуды, отчужденного и постоянно выпадающего из «автобуса», самоволие которого прощает Кизи-Христос и возвращает к Себе, обратно в «автобус». Из одного жеста прощения становится ясна роль Кизи, пусть даже

предполагалось, что иерархии среди Проказников не существует: «Even Kesey was supposed to be the non-navigator and non-teacher».

Каждый кислотный тест уподоблялся Евангельскому событию, раскрывающим определенную мудрость в ходе путешествия за двери восприятия. Тем не менее, несмотря на множество параллелей с разного рода религиозными учениями, Проказники избегали признавать доктринальную природу собственного движения. Глава «Невысказанная вещь» лишь доказывает предположение Вулфа о нежелании Проказников видеть традиционные религиозные паттерны, по которым строилось и их кислотное учение: «But exactly! The *experience*—that was the word! and it began to fall into place. In fact, none of the great founded religions, Christianity, Buddhism, Islam, Jainism, Judaism, Zoroastrianism, Hinduism, none of them began with a philosophical framework or even a main idea. They all began with an overwhelming *new experience*». Именно идеи о «новом восприятии», расширении сознания легли в основу психоделического движения. Как и Иисус, Мани, Заратустра, Гаутама Будда, Кен Кизи, будучи лидером, кислотным пророком, не приходит к будущим последователям с предложением об изменении общественного строя, вместо этого он желает поделиться религиозным откровением, помочь другим познать кайрос — мгновение предельного восприятия. Поделившись опытом нового восприятия, лидер (пророк, основатель) успешно вербует последователей, делая их своими учениками. Уникальность опыта, ощущение причастности к чему-то заветному, тайному, эмоциональное напряжение, тесный контакт участников, благосклонность лидера и привязанность к нему — это то, на чем строится большая часть религиозных учений. Том Вулф не раз подчеркивает, что тот же самый набор характеристик свойственен и Проказникам с Кеном Кизи в качестве лидера. «Незванная вещь» становится удобным в использовании термином — если не называть религией или идеологией тот особенный опыт, что Проказники делают, можно обойтись без противоречия.

Противоречие же заключается в формальном повторе традиционных систем (политических, религиозных, социальных и далее), которые так активно отрицаются контркультурой и психоделическим движением в частности.

Для битников расширение сознания означало снятие острого личного напряжения, его разрешение. Ответы, которые можно было найти, шагнув по ту сторону дверей восприятия, требовались для переустройства реальности, реже – политической, чаще – индивидуальной, литературной, социальной. Основные силы были положены на деконструкцию письма и попытки найти новое слово для выражения такого же нового опыта. В качестве триггера выступала непосредственно окружающая битников политическая реальность. Лингвистические игры и особые вербальные формулы свойственны любому политическому строю, поэтому одна из интенций битников – с помощью литературных экспериментов дать свободу голосу на письме.

Для Веселых Проказников же важны были маргинальность и карнавальность совершаемых действий, бессистемность которых не имела ничего общего с сознательным обращением к случайности тех же битников (как, например, «метод нарезок» Уильяма Берроуза). Презируя установки капитализма и коммерциализацию со стороны масс-медиа, участники психоделического движения сами используют типично американский коммерческий подход к концепту «расширение сознания». Веселые Проказники рассекают просторы Америки, знакомят любого желающего с галлюциногенными наркотиками и активно объясняют их воздействие на сознание человека (как они его понимают и интерпретируют). Все это проходит в форме безудержного акционизма, что скорее напоминает рекламную кампанию, а не приобщение к вечной мудрости: «...продавай не консервный нож, а образ жизни».

Заключение. Таким образом, в данной работе представлена попытка проанализировать концепт «расширение сознания» как литературного и поведенческого конструкта в рамках двух поколений контркультуры – бит-

поколения и Веселых Проказников (как представителей психоделического движения). В качестве опорных текстов были использованы «Голый завтрак» Уильяма Берроуза и «Электропрохладительный кислотный тест» Тома Вулфа. В первой главе дан теоретический материал, объясняющий культурно-исторический контекст, вторая глава представляет собой синтез проведенного литературного и социокультурного анализа. Данный синтез оказался возможным в силу документальной природы обоих произведений, ставших подлинной иллюстрацией контркультурного движения второй половины XX века.

Ключевым выводом является то, насколько разные интенции стояли за идеей расширения сознания у бит-поколения и психоделического движения. Битники стремились использовать расширение сознания как инструмент для литературных экспериментов и построения альтернативных версий существования с помощью деконструкции письма, Веселые Проказники же сделали употребление психоактивных веществ самоцелью, отдавая предпочтение зрелищному акционизму развлекательного и в определенном смысле рекламного характера.

В данной работе был рассмотрен концепт «расширение сознания» в контексте двух произведений («Голый завтрак» Уильяма Берроуза и «Электропрохладительный кислотный тест» Тома Вулфа), отражающих литературную и социокультурную ситуацию внутри контркультурного движения в США во второй половине XX века. Кроме того, была выявлена разница в интерпретациях данного концепта бит-поколением и Веселыми Проказниками. Таким образом, *цель* данной работы, заключавшаяся в исследовании расширения сознания как литературного и поведенческого конструкта на примере полудокументального романа «Голый завтрак» Уильяма Берроуза и документального романа «Электропрохладительный кислотный тест» Тома Вулфа, была достигнута.